

ПРИЗНАК «КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ ДЕЙСТВИЯ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ АППАРАТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СИНТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Е.Ю.Иванова

Санкт-Петербург, Россия

Summary: The feature «controllability of the action» is normally used as a specific classification parameter of the semantic (ontological) classification of predicates. In the article prospects are outlined for the comparative studies in examining the syntactic behaviour of controlled-action predicates in related languages.

1. Как известно, контролируемыми называются явления, при которых именно субъект определяет, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей [Булыгина 1982: 21]. Такой субъект является «целеполагающим» (агенсом). «Эталонные» предикаты, обозначающие контролируемые явления, – это глаголы действия, которые предполагают совпадение намерения и результата: *пришить пуговицу, сварить суп, перевести текст, открыть окно* [Кустова 1992; Зализняк 1992]. Они свободно употребляются в разного рода контекстах, указывающих на то, что агент сам выбирает, будет или нет иметь место ситуация, какова будет цель действия и ведущая к ней деятельность. Это, в частности, контекст модальных и интенциональных глаголов (*намереваться, надумать, согласиться, передумать*), глаголов попытки (*пытаться, пробовать*), обстоятельств прилагаемых усилий (*легко перевел текст, с трудом открыл окно*). Подобные контексты служат своеобразными лингвистическими тестами для выявления в предикате признака «контролируемость».

Обращение к другим («неэталонным») группам предикатов показывает, что разные группы неканонических действий не проходят тестирования по тем или иным контекстам. Например, сочетаемость с глаголами попытки и с обстоятельствами прилагаемых усилий не столь очевидна для «каузативов первотолчка», где субъект только «запускает» процесс, но сам в этом процессе не участвует: [?]*Пытался проветрить комнату*; [?]*С трудом проветривал комнату* [Кустова 1992: 147-149] и т.п.

Важнейшее свойство предикатов контролируемых действий – способность присоединять целевое расширение: *Она переставила кресло, чтобы было удобнее смотреть*; *Я останусь поработать*; *Перед ужином он гулял для аппетита*. Однако даже этот диагностический признак не работает для многих несомненно агентивных предикаций: *Забарабанил пальцами по столу*, **чтобы...*; *Обедаем*, *чтобы...*; *Поженились*, *чтобы...*

Неприменимость части указанных тестов к неэталонным глаголам действия и затруднения в формулировке цели – это свидетельство того, что понятие контролируемости требует различения по крайней мере двух

значений данного термина – «контролируемости₁» как семантического признака лексемы и «контролируемости₂» как признака ситуации.

Контролируемость₁, являясь семантическим признаком слова, не зависит от конкретной ситуации, от состояния человека и т.п. и определяется потенциальной способностью агенса совершить действие [Падучева 2004: 216], т.е. субъект в принципе должен быть способен инициировать или прекратить ситуацию по собственному усмотрению [Падучева 1996: 127]. Контролируемость₂ ситуации определяется, с одной стороны, ментальными процессами (наличие намерения и плана действия, принятие решения и т.п., а также представление субъекта о своей способности «иметь контроль» над ситуацией), с другой, – разнообразными денотативными характеристиками ситуации, которые могут не совпасть с целями и намерениями субъекта и различаются «величиной вероятности возникновения помех» [Зализняк 1991: 43].

Далее нас будет интересовать то, как можно применить для сопоставления славянских языков признак «контролируемости₁». Как мы увидим в п. 2, рассмотрение функционирования предикатов контролируемых действий невозможно без обращения к основным признакам контролируемых ситуаций.

2. Во всех славянских языках предикаты с признаком «контролируемости₁» способны регулярно выражать тривиальные смыслы, связанные с понятием контролируемости ситуации: намеренность, целенаправленность, осознанность, возможность выбора. Все перечисленные характеристики тесно связаны между собой (хотя обычно получают отражение в разных формах): целеполагающий субъект, чтобы достичь цели, должен иметь намерение и действовать осознанно, так что намеренность определяет наличие цели и превращается в цель, когда та достигнута; осознанность предусматривает план, выбор и представление о типе возможных действий и т.п.¹

Группы форм со значением запланированного действия, цели и семантически «чистого» побуждения составляют наиболее очевидные кластеры в общем поле функционирования предикатов контролируемого действия.

Славянские языки будут различаться наборами форм одной функциональной направленности и степенью их грамматикализации. Рассмотрим некоторые функциональные объединения.

2.1. Предикаты контролируемых действий во всех славянских языках включаются в формы, выражающие **запланированное действие**.

а) Запланированность выражается формами настоящего времени предикатов контролируемых действий в значении **«настоящего предстоящего»**: рус. *Завтра работаю дома; Послезавтра я еду в Москву*, серб. *Сутра путујем*, макед. *Утре одам за Москва*, болг. *Утре заминавам за Пловдив*, польск. *Jutro pracuję w domu*, чеш. *Zítرا pracuji doma*. Речь здесь идет «о будущих событиях, контроль над которыми осуществляется уже в настоящем» [Булыгина, Шмелев 1992: 109]. Точнее говоря, ситуация пре-

¹ Переплетения и взаимонаслоения этих характеристик подробно разбираются, например, в статьях сборника [ЛАЯ 1992].

подносится говорящим как абсолютно им контролируемая. Этот способ выражения запланированности может считаться общим для славянских языков.

б) Запланированность, выражаемая «**инфинитивом расписания**» типа рус. – *Какие планы? – Сначала – спать, потом – праздновать*, возможна не во всех славянских языках. Этот способ не представлен, разумеется, в тех языках, где нет самостоятельного инфинитива (как в болгарском). Однако даже если форма существует в грамматической системе, ее функциональные возможности могут быть различны. Так, в сербском языке функции инфинитива исключают данное употребление, и в соответствующих случаях будут выбраны другие конструкции: *Какви су ти планови? – Прво спавање, затим славље!*; *Прво да се спава, затим да се слави!* Инфинитивом расписания можно выразить намеченные действия в польск. *Najpierw spać, później – świętować* и чеш. *Nejdřív spát a potom slavít*.

в) Еще более сужается группа языков, когда намеченность сочетается с оттенком неизбежности, как в рус. инфинитивных предложениях **предстоящего вынужденного действия** типа *Мне завтра ехать; Мне еще гладить; Мне еще доклад готовить*. Они, по-видимому, могут считаться специфической моделью для русского языка, который может обходиться без модальных лексем, в то время как в других славянских языках необходим глагол долженствования, напр. польск. *Mam jeszcze prasować; Mam jutrojechać*, чеш. *Musím ještě žehlit; Musím zítra odjet*, серб. *Sympa mi je путовати*, болг. *Имам да готвя*.

г) Значение запланированности предстоящего действия задает форма предикатов контролируемых действий в особой разновидности болгарских **предложений потенциального условия** будущего временного плана. Как известно, в норме в таком придаточном используется настоящее время: *Ако попиташ, ще те упътят*. Форма будущего времени (от глагола НСВ) употребляется в контексте предварительной оговоренности действия или при наличии других предпосылок, позволяющих говорить о действии как запланированном [Кошелев 2003: 52-57]: *Ако ще питаш, питай, сега е моментът!*; *Тръгваш ли? Ако ще си тръгваш, загаси лампата*; – *Мисля да не си лягам. – Е, ако няма да си лягаш, ще оставя да свети*.

В сербском языке подобное значение предупомянутости (договоренности) возникает при использовании футура 1 (на фоне нейтрального в условном предложении футура 2): *Ако ћеш радити на компјутеру, почни!* (*Ако будеш радио на компјутеру, провери тај податак*); *Ако ћеш да изађеш, узми кишобран* (*Ако будеш излазио, узми кишобран*).

В других славянских языках для передачи данного значения привлекаются лексемы намерения (*Ако ще учиш английски, първо купи хубави речници*. – рус. *Если уж действительно намерен/ собрался/ планируешь учить английский, купи сначала хорошие словари; Ако ще ходиш, тичай, че няма време. – Ну раз надумал иди, давай по-бързо (беги), времени мало*²) либо используется форма из упомянутого выше арсенала

² Но, таким образом, при введении лексем намерения условие оформляется как реальное, в болгарской же форме условие остается потенциальным.

средств выражения запланированности (настоящее предстоящее, инфинитив): *Раз завтра идешь к терапевту, пусть он выпишет тебе направление и к хирургу*, польск. *Jeśli, mimo wszystko, uczuć języka angielskiego, kup dobre podręczniki*.

Заметим, что из всех перечисленных средств выражения запланированности грамматикализована только конструкция (г), в то время как иные способы представляют собой вторичные функции языковых форм. При этом полную грамматикализацию, как мы убедимся в разделе 3.2. (где будет показано, как эта форма «навязывает» свое значение вводимой лексике), можно признать лишь за болгарской конструкцией, в то время как в сербском «ако + футур 1» не обладает достаточным грамматическим давлением.

2.2. Предикаты контролируемых действий – основные поставщики глаголов для форм, выражающих **побуждение**.

а) Известно, что только предикаты контролируемых действий способны выражать «чистое» побуждение – повеление и приказ, в то время как неактивные предикаты не образуют императив вообще (**Светай!*; **Журчи!*)³ или же их императив употребляется не как прямой директивный речевой акт, а как совет, пожелание, упрек, проклятье и пр.: *Не раскисай!*; *Выздоровливай!*; *Будь счастлив!*; *Подавись этими деньгами!* В последнем случае за побудительной формой может скрываться призыв предпринять ряд контролируемых действий для достижения неконтролируемого результата (*Похудей!*) или просто попытка оказать психологическое воздействие на адресата (*Люби меня!*; *Не забывай меня!*). Эти закономерности наблюдаются во всех славянских языках, с учетом лишь некоторых грамматических ограничений, напр. полный запрет на отрицание с императивом СВ в болгарском языке: **Не отиди!*; **Не чуй!*; **Не изпусни чинията!*

б) Предикаты контролируемых действий используются для выражения побуждения к действию и долженствованию в «**настоящем предписания**» [Бондарко 2005: 277]: *Завтра идешь к нему и все выясняешь*; серб. *Сутра идеш код њега и све објашњаваш!*, болг. *Отиваш и се извиняваш!*, чеш. *Zítرا jdeš k němu a všechno ti vysvětlíš*. В польском языке, однако, настоящее время не имеет этого значения.

в) Использование **инфинитивного императива** типа рус. *Взять его!*; *Схватить его!* ограничено, во-первых, наличием инфинитивных форм в системе языка, и, во-вторых, способностью инфинитивных форм в том или ином языке выражать приказ и повеление, ср. сербский язык, где в данной функции инфинитив не используется, поэтому будет выбрана форма повелительного наклонения: *Узми га!*; *Држи га!*

Таким же образом можно сравнивать и более специфические способы выражения побуждения, в частности набор форм инструктива (*Взять/*

³ Не учитываются персонифицированные употребления типа *Свечечка, родная, не зажигайся подольше, не сгорай дотла* (В.Астафьев) и условно-следственные предложения: *Загорись у нас костер, мы бы не так мерзли в ту ночь*.

Берется/ Берем килограмм спелых ягод...). Такие более частные функции побуждения будут допускать свои наборы агентивных форм. Так, в том же сербском инфинитивная форма инструктива оказывается возможна: *Узети килограм зрелог бобичастог воћа...* См. также наблюдения над болгарскими и русскими параллелями в [Васева 2007].

2.3. Среди других функциональных объединений форм обратим внимание на конструкции **выбора**. Способность контролирующего агенса выбирать, будет или не будет иметь место ситуация, отражается в заместительных целевых построениях типа рус. *Она печет пирог, вместо того чтобы готовить доклад* (см. статью Е.В.Падучевой в [ЛЯЯ 1992]), в разнообразных инфинитивных предложениях выбора: «рефлексирующих» *Пойти или не пойти – вот в чем вопрос*, «желаемого выбора»: *Покурить, что ли?* Существенно, что в конструкциях выбора не столь важно, какую грамматическую форму использует для этого язык, – она в любом случае должна предполагать наличие предиката контролируемого действия, ср. болгарский вариант «рефлексирующей» конструкции: *Да вляза или да не влизам?*

Список представленных здесь синтаксических конструкций, отражающих тот или иной аспект контролируемости ситуации, ни в коей мере не является исчерпывающим, а скорее демонстрационным: он открыт как в области состава форм в рамках одной функциональной разновидности, так и тех «тривиальных» смыслов, которые вытекают из понятия контролируемости ситуации. В частности, в значение «контролируемости» неизбежно включено представление о действии как **деятельности**. Но как может быть вычленен набор конструкций, выражающих данное значение, – этот вопрос еще требует внимательного изучения. Проще всего вычлениются грамматикализованные построения. Так, в русском языке предикаты контролируемых действий, сочетаясь с ослабленными позиционными глаголами *сидеть, стоять, лежать*, образуют «сериальные» синтаксические конструкции со значением прогрессива («актуальной деятельности, заполняющей некоторый сплошной неограниченный промежуток времени» [Рахилина 1998: 76]): *сидит⁴ пишет, сидит отдыхает, стоит курит, лежит читает*. Второй предикат здесь всегда имеет или получает «деятельностную» семантику. В качестве вторых глаголов в данной форме частотны предикаты эмоционального состояния типа *нервничать, переживать* и «материализации» этих состояний *плакать, рыдать, трястись, дрожать*, т.е. исходно неактивные предикаты, но и они прочитываются здесь как деятельность, которой полностью поглощен субъект (X «занят» своими ощущениями, поглощен своей рефлексией): *сидит плачет, сидит переживает, сидит трясется*. Представлению процесса как деятельности способствует «отстраненный» или, скорее, раздраженный взгляд субъекта речи, который не совпадает с субъектом деятельности. Именно наблюдающий подчеркивает бессмысленность или неуместность деятельности адресата: *Ну что с ним поделаешь – сидит трясется, ничего*

⁴ Наиболее частотны сочетания именно с этим глаголом, что Е.В.Рахилина объясняет более высокой степенью его грамматикализации в этих контекстах.

слушать не хочет; Смотри-ка, лежит себе, спит; Лежит в потолок тарачится, лучше б за картошкой сходил; Чего стоишь ухмыляешься. «Деятельностная» семантика особенно отчетливо реализуется в инфинитивных формах с оценочными модификаторами: **Какой смысл сидеть трястись?**; **Сколько можно сидеть переживать!**; **Не надоело тебе лежать вздыхать?**

3. Еще одна возможность применения признака «контролируемость₁» для сопоставительного анализа открывается при использовании его в семантическом толковании конструкций для выявления их межъязыковых и внутриязыковых сходств и различий – а именно тех из них, которые объясняются внедрением предикатов неконтролируемых действий в рассмотренные выше «типично агентивные» формы.

Как известно, агентивная конструкция может по-разному реагировать на включение предикатов неконтролируемых действий: она либо поглощает такой предикат, заставляя осмыслить его как глагол контролируемого действия, либо включение этого предиката приводит к семантическим сдвигам и прагматическим наращениям.

Конечно, есть «неприступные» агентивные конструкции, которые ведут строгий отбор глаголов. Полностью закрыты для «инородных» предикатов, например, настоящее предписание, многие инфинитивные предложения со значением планируемого действия или выбора. В таких формах неактивные глаголы осмысляются как предикаты контролируемого действия: *Дышишь только носом!*; *Уронить сумочку, что ли, чтобы он меня заметил?*; *Быть или не быть?*; а глаголы, неохарактеризованные по признаку «контролируемость», прочитываются только как активные: *Выход один: **разбиваешь** копилку и отдаешь мне все деньги; Может, **порвать** это письмо?*

Большинство рассмотренных в п. 2 конструкций все же может принять предикат с нецелеполагающим субъектом, и это обычно не остается бесследным: включение такого предиката приводит к изменению семантики и/или прагматики данной формы. Именно в случае «нестрогих» агентивных форм признак «контролируемость» может послужить инструментом для выявления семантической неоднозначности и прагматических сдвигов. Приведем примеры.

3.1. Понятие «контролируемость» помогает выявить «**семантические ниши**», которые отводятся предикатам неконтролируемых действий в агентивных формах.

Так, в болгарских предложениях с предикативным определением к подлежащему существует своеобразное распределение ролей между предикатами контролируемых и неконтролируемых действий: при активном глаголе-сказуемом конструкция с предикативным определением имеет прототипическую семантику ‘действие и актуальное на момент этого действия состояние’ (*Погледна ме загрижен; Влезе задъхан; Стоян вървеше свит; Майка ѝ я гледаше развълнувана*), а при предикатах неконтролируемого действия конструкция отражает причинно-следственные отношения: мотивирующее состояние (предикативное определение) и производное неконтролируемое действие (сказуемое): *Тя се*

изчерви смутена; Тя припадна ужасена; Той се отдръпна отвратен; Но щем будуваше уплашена. Семантическое различие здесь, таким образом, целиком определяется признаком «контролируемость» у сказуемого (об особых случаях см. [Иванова 2009: 295-303]).

Насколько соблюдается эта же закономерность в других языках, где хоть в какой-то мере представлена данная конструкция? Например, в русском языке, где предикативное определение в предшествующие периоды развития было представлено гораздо более значительно, «классические» предикативные определения сохранили если не форму, то тесную семантико-синтаксическую связь со сказуемым, они не обособляются: *Идет согнувшись; Вошла взволнованная; Пришла уставшая.* Причинное же значение не оформляется в современном русском языке подобным образом; оно получает эксплицитное выражение в виде обособленных оборотов или предложных сочетаний с причинным значением: *Уставшая, она сразу опустилась на стул; Взволнованный, он не мог усидеть на месте и все ходил по комнате; Он отшатнулся, ужаснувшись; Ночами она не могла заснуть от беспокойства.*

3.2. Внедрение предикатов с нецелесообразным субъектом в типично «агентивные сферы влияния» ведет и к **прагматическим наращениям**, что открывает возможности для синтаксической манипуляции: использование агентивной формы позволяет говорящему переложить вину с ситуации, не поддающейся контролю, на адресата, не способного справиться с ней.

На примере болгарского условного предложения со значением запланированного действия можно проследить, как через употребление агентивных форм с предикатами неконтролируемых реакций ищет выход скрытая раздраженность говорящего. Если в эту форму со значением запланированности включаются предикаты неконтролируемых физиологических реакций, конструкция получает скрытый обвинительный смысл: *Ако ще кашляш така, как ще гледаме спектакъла!?* – «Если ты будешь кашлять [намереваешься кашлять так и дальше], как мы будем смотреть спектакль?!»; *Ако ще хъркаш така, по-добре да спим в отделни стаи* – «Если ты будешь храпеть [если ты будешь/ собираешься продолжать так храпеть], лучше спать в разных комнатах», ср. нейтральное настоящее: *Ако кашляш така и утре, иди на лекар.*

В современных рекламных (или скрыто-рекламных, имплицитно мотивирующих потребителя) текстах значение «договоренности», выражаемое данной формой, обыгрывается как пресуппозиция неизбежности покупки. Поскольку решение о покупке уже (якобы) принято, конструкция служит средством для ориентирования потенциального покупателя на нужную фирму или вид товара: *Ако ще е парфюм, да е марков.* – «Если уж [собрались купить] духи, так [пусть они будут только] фирменные». Особенно примечательны цепочечные построения с параллелизмом: читателю даже предлагается выбор, но сама идея «неотвратимости» (более дорогой) покупки или услуги не подлежит сомнению, напр.: *Сега е моментът да дадете материален израз на любовта си. Ако ще е парфюм, да е марков, ако ще е бельо, нека да е фирмено, ако ще е бижу, да е поне Bvlgari!; Ако*

ще е вана – нека да е ароматна или билкова. Ако ще е масаж – нека да е с водорасли или воден.

Подобное манипулирование формой облегчает грамматикализация конструкции в болгарском языке. В сербском языке «сфера манипулирования» не столь велика, ср. возможное *Ако ћеш и даље да хрчеш, ја прелазим у другу собу* при отсутствии показателей будущего времени в *Ако је парфем, нека је од Диора; Ако је одмор, нека је на Хавајима*.

4. Другое важное направление сопоставительных исследований – изучение различных **трансформаций** предикатов контролируемых и неконтролируемых действий, которые в славянских языках с очевидностью не совпадают. Так, в болгарском языке широка сфера применения пассивизации и возвратного субъектного имперсонала: *Дълго време беше мачкан и унижаван от него* (М.Радев); *Стотици бяха обвинявани, уличавани, наклеветявани; Дерменджиева, вие минавате всякаква граница... Границите не се минават безнаказано* (С.Стратиев); *Ами има библиотеки – там се чете бесплатно* (газ.), в разной степени представлены в языках «ленивые пассивы», ср. укр. *Мною було сплачено цю сумму*, но только диал. рус. *У меня корову не доено* при невозможности агентивного дополнения в польском: *Zapukano do drzwi; Mówiono o zbliżających się świętach*.

В сфере изучения подобных конструкций (обычно при сопоставлении пары языков) лингвистикой сделано немало. Однако чаще всего исследователей интересуют грамматические условия порождения данных конструкций, а не семантические (в частности признак «контролируемость»).

Понятно, что именно агентивные конструкции способны к большинству залоговых или «квазизалоговых» преобразований. Однако и предикаты неконтролируемых действий могут подвергаться некоторым трансформациям, хотя в крайне ограниченном объеме.

Какие именно группы активных и неактивных предикатов участвуют в каждой из залоговых форм – этот вопрос требует самого тщательного изучения, поскольку ответ на него совсем не очевиден. Например, принято считать, что конструкции возвратного субъектного имперсонала, являющиеся характерной особенностью болгарского синтаксиса, образуются только от предикатов контролируемого действия: *От шестия им етаж се минава в нашата сграда; Лесно се плува в басейн, но трудно в морето*. Однако А.Градинаровой [Градинарова 2007] убедительно доказано, что субъектный имперсонал в болгарском языке способен образовываться и от глаголов-происшествий, и от состояний, и от неконтролируемых процессов: *Не казвам, че не се пада, пада се, и пак се става и пак се пада, но това изобщо не разваля върховното удоволствие да летиш по пистата; Именно от безсилието се страда* (В.Иванов); *Там подрънкват бири и швепсове <...> и се въздиша от удоволствие* (С.Бонев).

Или же, допустим, т.н. причастный имперсонал (имперсональный «квазипассив» [Минчев 2005]) типа болг. *Тук е влизано; От прасковите е късано; В терминала е проникнато през гишето за работа с клиенти* во всех работах предстает как «строгая» форма с точки зрения правил отбора глаголов: он образуется от предикатов контролируемого действия и, более того, заставляет прочитывать как контролируемые те глаголы, которые не

охарактеризованы по этому признаку: *Като вероятност не е мислено за загуба*. Насколько силен этот запрет? – над этим еще можно подумать, ср. примеры из [Морфология 2007: 432; 441]: *С дивана сорван верх (как живая кожа с человека), подушки изрезаны ножами, торчит грудa соломы, – и я вспоминаю, сколько на нем спано, думано, **стонато**, сижено; Здесь много было **поревлено***.

Более того, в свете данного семантического признака обнаруживаются новые специфические характеристики у трансформов, которые считались общими для славянских языков, – это, в частности, «демиактивная» конструкция необъяснимой «(не)расположенности к действию» (рус. *Мне не работается*; болг. *Не ми се работи*; серб. *Не чита ми се*), которая обычно рассматривается как результат деагентивации предикатов контролируемого действия. Однако выявляются существенные различия в пресуппозитивном компоненте этой конструкции в разных славянских языках, что отражается в правилах порождения модели и в ее синтаксических возможностях [Иванова 2007; Градинарова 2009]. Оказывается, что признак «контролируемость» является хоть и преимущественным, но не обязательным для отбора глагола в форму, причем по разным причинам в разных языках.

Итак, представляется, что такая важная семантическая характеристика предиката, как «контролируемость/ неконтролируемость действия», может эффективно применяться при разных направлениях сопоставительного анализа даже родственных языков. Дальнейшие наблюдения могут выявить и другие полезные свойства данного признака.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко 2005 – *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. СПб., 2005.
- Булыгина 1982 – *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина, Шмелев 1992 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Идентификация событий: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Васева 2007 – *Васева И.* Инструктивен императив в българския и руския език // Русский и болгарский языки. Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода: Юбилейный сборник. С., 2007.
- Градинарова 2007 – *Градинарова А.* Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // Acta Linguistica. Vol. 1, No. 1. Sofia, 2007.
- Градинарова 2009 – *Градинарова А.* Славянский рефлексивный имперсонал: к проблеме описания значений // Acta Linguistica. Vol. 3, No. 2. Sofia, 2009.
- Зализняк 1991 – *Зализняк Анна А.* Контролируемость: свойство ситуации или семантический признак слова // Действие: лингвистические и логические модели: Тез. докладов. М., 1991.
- Зализняк 1992 – *Зализняк Анна А.* Контролируемость ситуации в языке и в

- жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Иванова 2007 – *Иванова Е.Ю.* Уникальна ли русская конструкция *Мне не работается?* (или О чрезмерном усердии в поисках национально-языковой специфики) // Филология и человек. 2007. № 3.
- Иванова 2009 – *Иванова Е.Ю.* Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. / Под науч. ред. проф. Ст.Димитровой. С., 2009.
- Кошелев 2003 – *Кошелев А.* Семасиологичен анализ на употребата на темпоралните форми за бъдеще време в подчинени условни изречения с *ако* в съвременния български език // Български език. 2003. № 4.
- Кустова 1998 – *Кустова Г.И.* Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- ЛАЯ – Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Минчев 2005 – *Минчев Зд.* За така наречения «имперсонален пасив» // Лингвистични дискурси: Юбилеен сборник в чест на 70-годишнината на проф. д.ф.н. Стефана Димитрова. Научни трудове. / Пловдивски университет. Т. 43. Кн. 1. 2005.
- Морфология 2007 – Современный русский язык: Морфология. / С.И.Богданов, М.Д.Воейкова, В.Б.Евтюхин и др. СПб., 2007.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* О параметрах лексического значения слова: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Вып. 3. М., 2004.
- Рахилина 1998 – *Рахилина Е.В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопросы языкознания. 1998. № 6.